

«Не вижу возможности дальше жить»

Новые Известия - 2001 - 22 дек - с. 7

Исполняется 100 лет со дня рождения Александра Фадеева. И не прекращается спор о загадке его смерти

ОТТО ЛАЦИС,
«Новые Известия»

«13 мая 1956 года примерно в 15.00 у себя на даче, в Передельно Кунцевского района выстрелом из револьвера покончил жизнь самоубийством кандидат в члены ЦК КПСС писатель Фадеев Александр Александрович». Так начиналась записка в ЦК КПСС председателя КГБ СССР генерала Серова. Главный руководитель советских писателей ушел из жизни в те самые дни, когда на закрытых собраниях всему народу зачитывали секретный доклад Никиты Хрущева XX съезду КПСС о преступлениях Сталина. Не связать между собой два события было невозможно — я до сих пор помню толки об этом 45 лет назад.

В то время народу была предложена (в сообщении ТАСС) «успокоительная» версия: автор «Молодой гвардии» был давно болен, страдал тяжелыми запоями — в этом будто бы и крылась причина самоубийства. Это была своеобразная, в партийных традициях того времени, лживая правда. Записки Фадеева действительно страдал, но сами запой были не причиной, а следствием его бед. В день самоубийства он, судя по сообщениям Серова, был трезв. А главное, писатель оставил письмо в ЦК КПСС, в котором подробно все объяснил. В то время письмо скрыли от народа, но для нынешнего читателя оно давно не составляет секрета — тем знаменательнее то, что «патриоты» наших дней до сих пор пытаются затемнить совершенно ясный вопрос. В некоторых недавних публикациях, например, делаются утверждения, будто причиной смерти могла быть беседа с Маршак, с которым Фадеев встретился накануне.

В записке Серова есть такая фраза: «Как показала его секретарь Книнович, в 12 часов дня 13 мая с.г. Фадеев сказал ей, что после разговора с Маршак он не мог уснуть и на него не действовали снотворные средства». Но из этой фразы не следует, что разговор с Маршак был причиной самоубийства. Да и не таков был характер Фадеева, чтобы подобное решение принять вдруг. Более того, тот же Серов приводит свидетельство Валерии Зарахиной, показывающее, что о самоубийстве Фадеев думал еще годом раньше — она сама читала его записку «нехорошего содержания». А главное, зачем же гадания и намеки, когда есть письмо самого Фадеева?

«Не вижу возможности дальше жить, т.к. искусство, которому я отдал жизнь свою, загублено самоубийственно-невежественным руководством партии, и теперь уже не может быть поправлено. Лучшие кадры литературы — в числе, которое даже и не считало царским сапраном, физически истрепаны или погибли, благодаря преступному попустительству власти имущих...» — так начиналось это последнее произведение писателя. Вряд ли, конечно, даже самая трагическая судьба литератора может восприниматься как повод для переживания настолько личного, чтобы оно могло толкнуть кого-либо к самоубийству. Есть обстоятельство, о котором в предсмертном письме не сказано: генеральный секретарь Союза писателей в силу занимаемой должности не мог не разделять ответственность за «политику партии» в области литературы. Известно, что он старался сделать хотя бы то немногое, что было в его силах, для облегчения судьбы некоторых жертв этой политики. Писатель Антал Гидаш, например, рассказал позднее, как Фадеев вызволил его из ссылки. Но радикально повлиять на ситуацию в литературе при Сталине не мог, конечно, никто из писателей.

Фадеева мучило и другое, что еще не всем было в тот момент понятно: после Сталина переста-

1.
Не вижу возможности дальше жить, т.к. искусство, которому я отдал жизнь свою, загублено самоубийственно-невежественным руководством партии, и теперь уже не может быть поправлено. Лучшие кадры литературы —

Последнее «прости».

ли убивать совсем уж ни за что, но политика партии в отношении литературы в принципе не изменилась. Вот еще из того же предсмертного письма: «Нас после смерти Ленина низвели до положения мальчишек, уничтожали, идеологически пугали и называли это партийностью. И теперь, когда все можно было бы исправить, сказала примитивность, невежество, при возмутительной дозе самоуверенности — тех, кто должен был бы все это исправить». «Прошу похоронить меня рядом с матерью моей», — такими словами заканчивается это письмо. А прямо перед ними вот какая фраза: «Последняя надежда была хоть сказать это людям, которые правят государством, но в течение уже 3-х лет, несмотря на мои просьбы, меня даже не могут принять».

Итак, срок предсмертных метаний обозначен: три года. Сразу после смерти Сталина начались попытки Фадеева вырваться из рокового кольца. Архивы хранят свидетельства этих попыток. Приводим полностью письмо, относящееся к 1953 году (публикация Анатолия НОВИКОВА):

Всегда срочно
В президиум ЦК КПСС
товарищу Г.М. Маленкову
товарищу Н.С. Хрущеву
В связи с тем, что пленум Правления Союза писателей открылся утром 21 октября, прошу ЦК дать мне указание или совет, встречает ли посланный в ЦК 18.10. с.г. проект моего вступительного слова на пленуме принципиальные возражения со стороны ЦК. Ибо без рассмотрения в ЦК проекта моего вступительного слова, оно не может быть произнесено на пленуме.

После заседания партийной группы Правления 14.10. с.г. мною были внесены все поправки, предложенные группой, в проект вступительного слова и в таком виде оно было послано в ЦК.

Однако уже после заседания партгруппы Секретарь Правления Союза писателей т.Софронов заявил мне, что с этим вступительным словом не согласно то «направление в литературе», к которому, по его словам, принадлежат он, Софронов, а также т.т. Грибачев, Бубеннов, Сувор, Первенцев и что мое вступительное слово якобы ставит их в «опозицию» к руководству Союза писателей и на пленуме и в дальнейшей работе. Тов.Софронов произвольно связал это «опозиционное» настроение своего «направления» в литературе с той частью предложения о новом составе Секретариата, которое мы — Фадеев, Сурков, Симонов, Тихонов, — согласно решению ЦК о составе Секретариата в 7-8 человек, собираемся внести на рассмотрение пленума, то есть об избрании т.Софронова в состав Президиума, а не Секретариата Правления. (Тов.Софронов рекомендует нас в качестве редактора журнала «Огонек», а всех редакторов журнала мы предлагаем ввести в состав Президиума, а не в состав Секретариата).

Отрицательное отношение к моему вступительному слову в еще более решительной форме выразили — тоже после заседания партгруппы — т.т. Софронов, Грибачев и Кожевников в беседе с т.Сурковым, сказав, что будут выступать против моего вступительного слова на пленуме.

С моей точки зрения, такая позиция этих товарищей отражает непонимание ими того противоречия, в котором находится негодная практика нашего руководства в Союзе писателей с тем отличным политическим настроением и общественной активностью, которые вызваны в среде писателей, как и всей творческой интеллигенции, известными мероприятиями ЦК в области международной и внутренней жизни страны.

Эта негодная практика нашего руководства и вскрыта мною в моем вступительном слове. Это сделано мною в достаточной мере тактично и мягко, хотя на деле такая практика заслуживала бы более строгого осуждения.

Нельзя забывать, что особенно остро на эту негодную практику руководства реагируют наши лучшие беспартийные писатели. Нельзя проходить без внимания мимо таких фактов, когда беспартийные писатели фактически игнорируют самые важные и острые дискуссии в Союзе писателей, как раз те дискуссии, которые формируют идейно-художественную линию нашего руководства в Союзе писателей.

На XIII пленуме Союза писателей при наличии 800 человек московских писателей, не говоря уже о 90 членах Правления Союза, по докладу «О задачах литературной критики» из 47 участников дискуссии выступило всего лишь 5 беспартийных — Галина Николаева, Кирсанов, Коваленков, Югов и критик Богданов.

В дискуссии о книгах, посвященных творчеству Маяковского, длившейся несколько дней, из 56 человек участников дискуссии выступило всего лишь 11 беспартийных — Асеев, Кирсанов, Перцов, Катай, Эвентов, Бакинский, Росточкин, Реформатская, Тагер, Тимофеев, Молдавский, Евтушенко.

Отсюда видно, что выступают не только мало беспартийных, но и не лучшие среди них.

В дискуссии на Президиуме союза писателей о книге Гроссмана «За правое дело» (в присутствии широкого актива писателей) из 14 человек участников дискуссии выступило всего лишь 3 беспартийных писателя — Галина Николаева, Злобин, Львов. Очень характерно, что на общем собрании московской секции прозы 11 августа 1952 г., посвященном ни больше ни меньше, как выдвижению на Сталинские премии, в обсуждении произведений людей со стороны секретаря Правления т.Софронова и тех, кто его поддерживает, лучше всего характеризует прилагаемая «Личная карточка члена/кандидата Союза советских писателей СССР», по которой ведется учет писателей по всему Советскому Союзу. (В период моего отпуска карточка эта, разработанная тов.Софроновым совместно с Отделом кадров Правления Союза, была утверждена Секретариатом ЦСР под руководством тов.Суркова, как видно, без прочтения ее).

Обращаю Ваше внимание на следующие пункты этой, с позволения сказать, «личной карточки» писателя в его собственной организации, являющейся, как известно, организацией беспартийной и творческой.

«31. Семейное положение... Если вдов или разведен, указать фамилию, имя и отчество и национальность прежней жены (мужа)».

«32. Фамилия (теперь и до брака), имя и отчество, год и место рождения жены (мужа), партийность и где работает».

«19. Принадлежали ли Вы и Ваши ближайшие родственники к антитеррористическим организациям, разделили ли антипартийные взгляды. Какими парторганизациями вопрос об этом рассматривался, когда и их решения».

«20. Находились ли за время пребывания в ВКП(б) или в ВЛКСМ взыскания (где, когда, кем, какие, за что) и сняты ли они».

«29. Привлекались ли Вы или Ваши ближайшие родственники к суду, следствию, были ли арестованы, подвергались ли наказаниям в судебном или административном порядке, когда, где и за что именно. Если судимость снята, то когда».

Еще в середине 1952 года мною при поддержке Секретариата было предложено отделу кадров отменить эту безобразную анкету, т.к. по сведениям отдела кадров ее за год заполнило не более половины всех членов Союза.

Одновременно мною было предложено поставить во главе отдела кадров Союза писателей хоть одного писателя, ибо с подобной анкетой отдел кадров, состоящий целиком из неписателей, просто пугает писателей.

Это мое предложение до сих пор не выполнено, так как партийный комитет низовой парторганизации писателей при попустительстве со стороны т.т. Суркова и Софронова, превысив свои полномочия, «заслушал» 4 декабря 1952 года Отдел Кадров Правления Союза писателей и в нарушение моего прямого распоряжения поставил в вину отделу кадров, что эти безобразные «личные карточки» до сих пор не заполнены половиной членов Союза писателей.

Во исполнение этого неправо-

Жизнь писателя была загублена задолго до того, как он сам оборвал ее...

мочного решения т.Софронов совместно с наклеиванием явных рядов сигналов с мест о прямом отказе писателей заполнять эту безобразную анкету, «довели дело до конца», то есть заставили заполнить ее все 3500 писателей СССР за исключением 300 писателей по Москве и 128 писателей по периферии, категорически отказавшихся ее заполнять.

Вот эти методы припугивания в сочетании с наклеиванием явных «националиста», «космополита», «формалиста» или пособника тем и другим и третьим на любого писателя, допустившего ту или иную ошибку, и составляет главный пафос того, с позволения сказать, «направления в литературе», которое возглавляет т.Софронов.

Вопреки стремлению этих 3-5 писателей выдать себя за «направление», я в течение ряда лет стремился поправлять их персонально и по конкретным случаям, обходя вопрос о скверной групповщине в их среде, ибо по собственному опыту знаю, какие глупости делают смолдуемые литераторы, зараженные коммунством. Я уже не говорю о том, насколько внимательно я относился и отношусь к творчеству каждого из них.

В этой связи свое вступительное слово я построил таким образом, чтобы в этой своей части оно было не по ним, а по более явным проявлениям сектантства. То обстоятельство, что «направление» товарища Софронова принимает эту часть моего вступительного слова на свой счет, как раз и свидетельствует о том, что у него «рыльце в пушку».

Я не только уверен, а знаю, что подавляющее большинство членов Правления и вообще писателей — членов Союза как партийных, так и беспартийных, поддерживает мысли, выраженные в моем вступительном слове, так как они продиктованы самой жизнью. Однако т.Сурков, поддавшись указанию «направлению в литературе», внезапно переменяет свою точку зрения и тоже начал выступать против моего вступительного слова.

Поскольку т.Сурков — первый мой заместитель и секретарь партгруппы и к тому же фактически работает вместо меня в Союзе писателей в связи с моим творческим отпуском, — все это осложняет обстановку на Пленуме и в будущем руководстве Союза писателей.

Может быть т.Сурков прав в том отношении, что мое вступительное слово слишком переносит центр внимания Пленума с вопросов драматургии на вопросы литературной политики. Если это так, целесообразно ли мне выступать с этим словом где-нибудь к концу прений?

Чтобы еще больше не осложнять дело, я пишу это письмо, как письмо личное, письмо члена ЦК, и прошу меня срочно принять.

А.Фадеев.
По сути дела этот текст не требует особого комментария. Политическая система, в которой превращен был в мальчика даже главный чиновник от литературы, предстает здесь в высшей степени наглядно. Однако следует кое-что сказать об именах, поскольку выросло уже поколение читателей, которым названные в письме имена говорят не слишком много. Сейчас уже не говорят, а тогда, в 1953-м, еще не говорили — если иметь в виду политику. Тогда, сразу после смерти Сталина, литературная политика оставалась целиком делом партии — писателям своей политики иметь не полагалось. Лишь в следующем десятилетии, в шестидесятых, когда пар-

тия решила забыть о хрущевской попытке критики сталинизма, часть литераторов возложила на себя заботу о политике — каждый в соответствии со своими воззрениями. В то время Александр Твардовский и авторы «Нового мира» продолжили исследование и разоблачение сталинской системы, а другая группа литераторов развила активность доносительного свойства, уличая новомировцев в «ревизионизме». Среди тех, кто в конце концов добился того, что Твардовского лишили его журнала, самыми активными были упоминаемые в приведенном письме Фадеева Софронов и Грибачев да еще Кочетов. Софроновская «личная карточка», которую так живо описал Фадеев, особенно наглядно отражает примитивную невежественность, о которой писал перед смертью автор «Молодой гвардии».

Увы, сам он, видимо, был уже безнадежно сломен. Последующие документы 1953 года звучат совсем не так, как приведенное прямое и смелое письмо. Сначала записка в тот же адрес: президиум ЦК КПСС, Маленкову и Хрущеву:

«Довожу до сведения ЦК, что после дополнительного обсуждения проекта моего вступительного слова к открытию пленума Правления Союза писателей Секретариат единодушно пришел к выводу о том, что нет необходимости во вступительном слове на данном Пленуме.

В связи с необходимостью единства и сплочения сил советской литературы вокруг задач, выдвинутых партией, мое выступление — уже в порядке прений на Пленуме — было по моей инициативе переработано (в части формулировок, вызывавших разногласия) совместно с т.т. Сурковым, Софроновым, Грибачевым, Корнейчуком и Бажаном, и больше не встречает принципиальных возражений.

Проект своего выступления в переработанном виде прилагаю».

И тут же этот проект, открываемый мажорным вступлением в стиле эпохи: «Пленум Правления Союза Писателей СССР собирается в дни, когда советское общество, осуществляя величественные задачи, поставленные XIX съездом Коммунистической партии, переходит на новую, еще более высокую ступень в строительстве социалистического хозяйства и культуры». После нескольких страниц такого парадного словоблудия следует более печальное: Фадеев рассуждает о «плодотворной» критике романа Валентина Катаева «За власть Советов» и своей собственной «Молодой гвардии» по поводу недооценки роли партийной организации в условиях немецко-фашистской оккупации. А дальше рассуждает о «серьезных идейных ошибках» в романе Гроссмана «За правое дело», об идейных ошибках Казакевича, Сосорова, Первомайского, Ауэзова, Муканова.

Одного он все-таки добился. В хранящейся в архивном деле записка секретарю ЦК КПСС Михаилу Суслову сообщается, что на очередном заседании президиума Правления Союза писателей по предложению Фадеева принято решение об отмене софроновской «учетной карточки».

Жизнь Александра Фадеева была загублена задолго до того, как он сам оборвал ее. Его чаще вспоминают не как талантливого писателя, каковым он несомненно был, а как партийную «дубинку». Но ведь есть же любители, прославляющие и поныне те времена и готовые вернуть их — только бы дали...

